

Времена не выбирают, в них живут и умирают.... Эти строки советского поэта Александра Ку́шнера, написанные в конце семидесятых годов прошлого века, актуально звучат и сегодня. Ведь на долю каждого поколения приходятся свои испытания. Наряду с Чайковским, Сергей Прокофьев – самый известный в мире русский композитор. Многие – в похвалу или в осуждение – считали его космополитом, гражданином мира, а он отчаянно тосковал вдали от России и признавался: «Воздух чужбины не возбуждает во мне вдохновения».

В историко-философской литературе проблема положения художника в тоталитарной системе является дискуссионной. И главная из них – это проблема конформизма.

Проектируя её на жизнь, личность и творчество С. С. Прокофьева, мы попробуем проанализировать, что же заставило «солнечного гения» сначала уехать из страны и на протяжении восемнадцати лет жить вдали от родины, а затем неожиданным образом снова вернуться домой и жить жизнью своей страны. Где ему довелось пережить и арест жены, и

зубодробительные постановления партийных органов про «космополитизм» и «антинародный формализм». Здесь была и война, и эвакуация. И здесь была и есть музыка Прокофьева, которая делает русскую культуру великой.

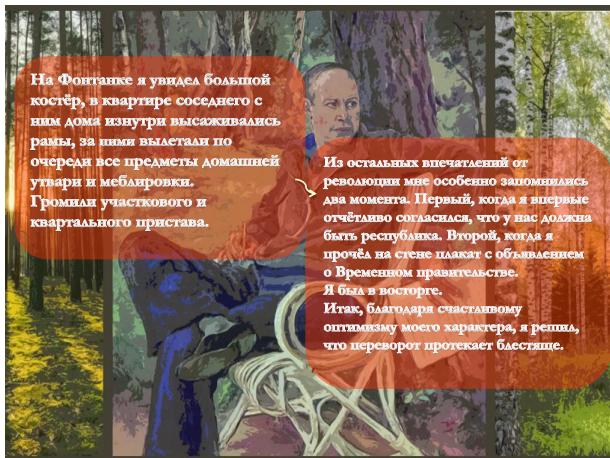
Одни авторы выдвигают концепцию о целенаправленном, сознательном конформизме, своего рода, «брачном» союзе С. Прокофьева с советской властью (особенно в поздний период творчества, 1936–1953), который и обеспечил ему успех, награды и признание, благополучную спокойную жизнь, возможность творить «в Большом стиле гражданственно-державного звучания». Другие считают такую гипотезу слишком прямолинейной и тенденциозной, так как она базируется лишь на внешних обстоятельствах сложной биографии художника. При этом опускается тот факт, что неустанная и многогранная творческая деятельность гениального композитора была постоянно направлена на совершенствование своего искусства (сочинение музыки, фортепианное исполнительство, дирижирование).

В осмыслении проблемы «Прокофьев и советская Россия» важно не смешивать его отношение к России как к родине с отношением к России как к советской политической и идеологической системе. Россию он бесконечно любил и ценил. Русская культура, взрастившая его с юных лет, стала незыблемым национальным фундаментом его творчества разных исторических периодов.

Отношение же к новой политической системе, господствовавшей в России после Октябрьской революции, к «большевизму» и «Большевизму» или СССРии (по его выражению) поначалу было резко отрицательным, что и послужило причиной его отъезда за границу (как он изначально предполагал на два месяца, а оказалось – на 18 лет).

Прокофьев, как и многие великие творцы, никогда не интересовался политикой и всегда ставил на первое место собственное творчество. Февральскую революцию Сергей Сергеевич встретил в Петрограде. Чувства, которые переживал молодой композитор, были смешанные.

Вот что он писал в своих дневниках:

На Фонтанке я увидел большой костёр, в квартире соседнего с ним дома изнутри высаживались рамы, за ними вылетали по очереди все предметы домашней утвари и мебелировки. Громили участкового и квартального пристава.

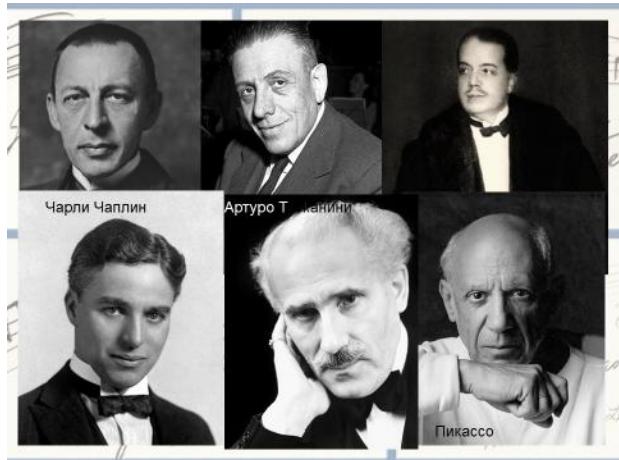
Из остальных высказанных от революции мне особенно запомнились два момента. Первый, когда я впервые отчаянно согласился, что у нас должна быть республика. Второй, когда я прошёл на стене плакат с объявлением о Временном правительстве.

*Я был в восторге.
Итак, благодаря счастливому оптимизму моего характера, я решил, что переворот проходит блестяще.*

И ёщё: Где-то там, в недрах Государственной Думы творилось большое дело и решалась судьба России...

Октябрьская революция 1917 года застала Прокофьева на Кавказе, который восставшие казаки отрезали от столиц. Во время этого «кавказского плена» композитор впервые после детства окунулся в жизнь народа, стал свидетелем ужасов Гражданской войны.

Эту революцию Сергей Сергеевич воспринял как разрушение, «резню и дичь». Поэтому уже в следующем году отправился в Токио, а оттуда – в Нью-Йорк. Спустя два года переехал во Францию, где прожил долгое время. В Париже Прокофьев общался с Рахманиновым, Равелем, Дягilevым, для труппы которого написал балеты «Блудный сын» и «На Днепре», а также самый известный из всех - «Стальной скок», заказанный в 1927 году самим Дягileвым, который хотел «большевицкий» балет о современной Советской России. Среди хороших друзей Прокофьева были Пулленк, Равель, Пикассо, Матисс, Чарли Чаплин и знаменитые дирижеры – Леопольд Стоковский и Артуро Тосканини.

Живя за рубежом, Сергей Прокофьев активно содействовал пропаганде в Европе сочинений советских композиторов (своего большого друга Николая Мясковского, а также Гавриила Попова, Дмитрия Шостаковича и др.). Однако, к «большевизму», как к идеологии, отношение продолжало оставаться негативным и осторожным.

Гастролируя по Старому и Новому свету как пианист, Сергей Сергеевич в 1927-м впервые за долгое время посетил Россию. В 1927, 1929 и 1932 годах композитор гастролирует по СССР. И каждая из поездок была по-настоящему успешной.

Приезжая на выступления в Советский Союз, Прокофьев видит, страна оказалась не нищей руиной, как ее описывали эмигрантские газеты. Повсюду кипела стройка, люди жили надеждой на будущее. Молодежь ломилась на концерты классической музыки, его выступления проходили с грандиозным успехом, невиданным им за границей. Да и прием властей повсюду был исключительно радушный, даже роскошный. Прокофьев получает предложение вернуться и обещание статуса «первого композитора».

Возобновились его творческие контакты с советскими музыкантами и исполнителями, появились шансы на постановки его сочинений, созданных за рубежом. Так, в 1927 году в Ленинграде и в Москве была поставлена опера «Любовь к трем апельсинам».

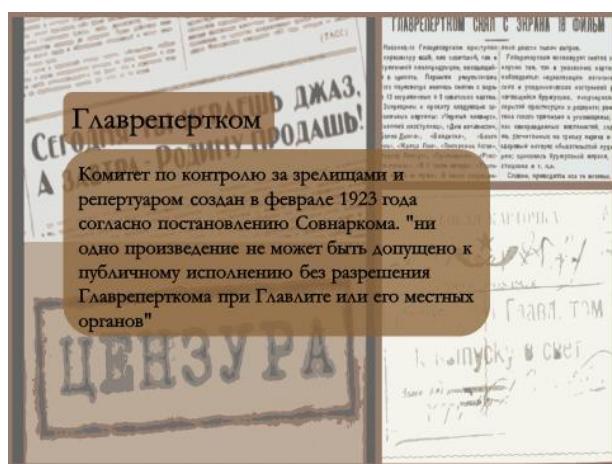
У композитора возникает желание вернуться, которое крепнет с каждым новым визитом. Во время приездов в Россию Сергей Прокофьев, встречаясь с представителями правительства (Литвиновым, Луначарским и другими), старается соблюдать правила политеса: ловко «лавирует» в

щекотливых и затруднительных ситуациях, «на любезность высокопоставленных лиц отвечает любезностью».

Жена и парижские знакомые предостерегают его, говоря, что в Москве не все так радужно. Но тоска по родине становится все сильнее. В письме он пишет: «Я должен снова окунуться в атмосферу моей родины, я должен снова видеть настоящую зиму и весну, я должен слышать русскую речь, беседовать с людьми, близкими мне. И это даст мне то, чего так здесь не хватает, ибо их песни - мои песни».

Возвращение в СССР - это время стремительного творческого взлета Прокофьева, когда рождаются произведения, ставшие его «визитной карточкой» даже для тех, кто мало знаком с классической музыкой.

В 1932 году С.С. Прокофьев стал профессором Московской консерватории. Постепенно мысль о возвращении стала посещать его всё чаще и чаще. А потом прозвучала знаменитая фраза «Прокофьев наш», якобы сказанная Сталиным.

И в 1936 году Сергей Сергеевич с семьей окончательно переехал жить в Москву. Власти его не обманули - роскошная квартира, заказы сыпятся как из рога изобилия.

Два года после этого Прокофьев еще выезжал с гастролями за границу, но потом в Главреперткоме ему веско намекнули, что лучше вообще-то посидеть дома. Но это не смущило композитора, увлеченного новыми темами.

Снова окунувшись в родную стихию, Сергей Сергеевич отошел от модернизма, обратился к русской истории и литературе. Работая над музыкой к фильмам Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» и «Иван Грозный», он создал волнующие, истинно народные мелодии.

Одна из них, «Вставайте, люди русские», стала знаменита в годы Великой Отечественной войны. Но пока, после пакта 1939 года о ненападении с Германией, она вместе с фильмом легла на полку, а Прокофьеву партийные критики стали пенять за «формализм» и «излишнюю сложность» его произведений.

Предвоенные и военные годы – необычайно плодотворные для Сергея Сергеевича. В это время он знакомится со студенткой Литературного института Мирой Мендельсон, ставшей его новой музой и соавтором.

С началом войны Прокофьев с Мирой эвакуировались в Нальчик, а потом в Тбилиси, где композитор продолжал активно писать музыку. Важнейшим сочинением военного периода стала опера «Война и мир» (1941-1952) по роману Льва Толстого, не уступающая по грандиозности толстовской эпопее. Соавтором либретто этой оперы снова становится Мира Мендельсон.

Послевоенный период примечателен, прежде всего, двумя симфониями – Шестой, которую считают своеобразным реквиемом по жертвам войны, и Седьмой, посвященной юности и надеждам.

Неожиданными драматическими событиями начался 1948 год. В феврале вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели», в котором передовые советские композиторы (Прокофьев, Шостакович, Мясковский, Хачатурян) были подвергнуты резкой критике за «формализм». Ряд сочинений Прокофьева, в том числе Шестая симфония (1946) и экспериментальная опера «Повесть о настоящем человеке» были запрещены к исполнению. Оказалось, что даже «первый композитор» страны не принадлежит к касте неприкасаемых.

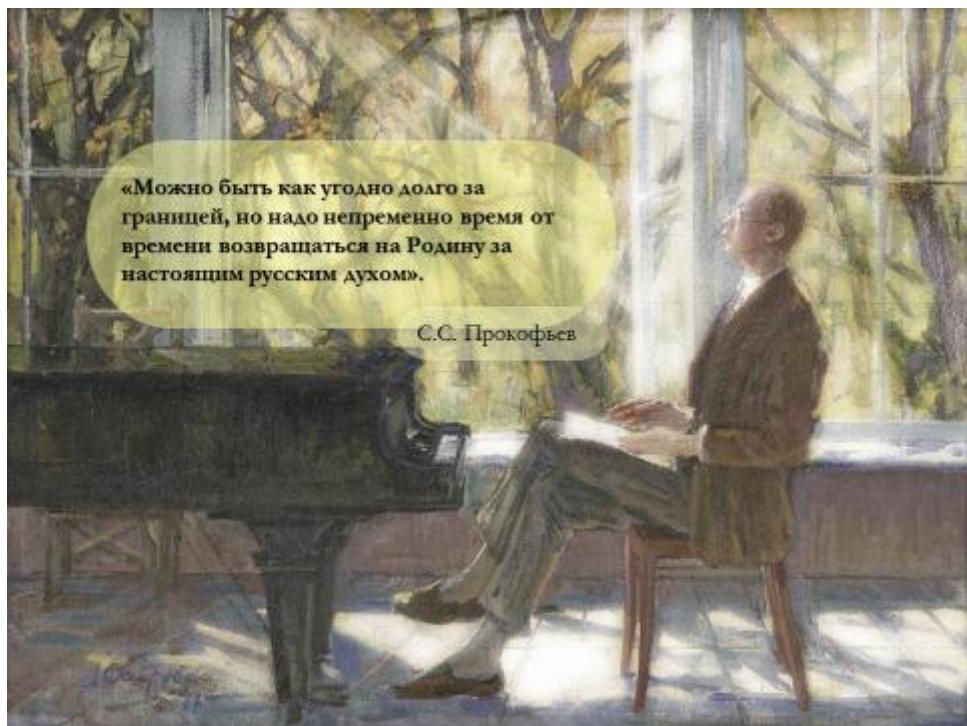
Не прошло и десяти дней после публикации разгромного постановления, как арестовали первую жену композитора, Лину Кодину. Ее осудили на 20 лет лагерей за шпионаж и измену Родине. Прокофьев ничем не мог помочь первой жене. Ходили даже слухи, что скоро и его отправят следом за Линой.

Партийное постановление по борьбе с «кантиниародным формализмом» в музыке нацелило главный удар именно на Прокофьева. По просьбе испуганной жены Миры он написал покаянное письмо в Союз композиторов с признанием своих ошибок. Руководитель Союза Тихон Хренников, которого часто изображают злобным гонителем Прокофьева, наоборот заступился за него, и Сергею Сергеевичу позволили продолжать работу.

Впрочем, уже в 1949 году по личному распоряжению Сталина все ограничения были сняты, а официальная пресса стала оценивать Постановление 1948 года как «некоторые перегибы».

Но травля не прошла бесследно. Здоровье Прокофьева заметно ухудшилось. Поэтому большую часть времени Сергей Сергеевич проводил на даче под бдительным присмотром жены и врачей. И все же он продолжал работать.

Последним сочинением, на исполнении которого композитору лично удалось присутствовать в 1952 году, была Седьмая симфония - его музыкальное завещание, волнующее признанием любви к жизни, к своей стране.

«Можно быть как угодно долго за границей, но надо непременно время от времени возвращаться на Родину за настоящим русским духом».

С.С. Прокофьев

По меркам XX века Сергей Сергеевич Прокофьев был музыкальным футуристом, поскольку предпочитал дерзко-новаторские средства выразительности. Именно как новатор музыкального языка, гармонии, ритмики и стиля Прокофьев часто подвергался критике, негативным отзывам и обвинениям в «формализме». Композитор никогда не стремился к созданию безвольной и безэмоциональной музыки и не хотел встраиваться в «общественность», в «коллектив», в советскую систему только потому, что этого от него пытались требовать другие.

Отношения С.С. Прокофьева с СССР развивались на основе его любви к России – не показной, но глубокой и искренней, ощущении себя истинно русским человеком и музыкантом, воспитанным русской культурой.

Осмысливая отношение Прокофьева к советской России, важно учесть присущие ему личностные качества. Прокофьев всегда (и в молодости, и в зрелости) был независимым человеком и художником, живущим и творящим по своим собственным законам. Силой своего искусства он утверждал вечные и непреходящие ценности национальной и мировой культуры. И, если иногда ему приходилось идти на некоторые вынужденные компромиссы и уступки власти, то лишь с той целью, чтобы не быть уничтоженным тоталитарной системой, рушащей судьбы незаурядных людей. В этом и заключается трагедия Большого русского композитора, жившего «вне пространства и времени», умевшего в творчестве подняться над повседневной, сиюминутной реальностью и следовать собственным внутренним музыкальным законам и принципам.